

III.

ВОПРОСЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА

Сидер Флорин
(София, Болгария)

РЕАЛИИ ПОД МИКРОСКОПОМ

Вопрос о сохранении национального своеобразия подлинника при переводе его на иностранный язык (в нашем случае речь идет о передаче реалий) рассматривался исследователями неоднократно и нередко вызывал полемику. В настоящей работе мы пытаемся подвергнуть «лабораторному» анализу практику некоторых переводчиков, их умение или неспособность справиться с передачей реалий — наиболее ярких показателей национального своеобразия произведения. На наш взгляд, такой анализ мог бы быть полезен для дальнейшей теоретической разработки вопроса, а также для перевода художественной литературы.

Здесь возникает вопрос: что понимается под реалиями и как с ними обращаются в процессе перевода. При этом необходимо иметь в виду следующие конкретные случаи.

1. Понятие (или предмет), обозначенное «рядовым» словом в оригинале, передается реалией в иностранном языке. Так, описывая турецких чиновников в романе «Петр I», Алексей Толстой говорит о «туфлях»; на болгарском же языке это должны быть *емени*, так как описываемый автором тип туфель является для болгар хорошо знакомой и принятой в болгарской литературе и разговорном языке турецкой или болгарской исторической реалией. При описании посещения русскими турецкого флагмана в Керчи Алексей Толстой говорит о «кофейнике» и «чашечках» «чуть побольше наперстка»; а по-болгарски, если речь идет о турецком кофе, это должны быть, по той же логике общепринятого употребления, *джезве* и *филджани*.

2. Некоторые реалии, довольно необычные для языка оригинала, пользуются правом гражданства, то есть фигурируют как «рядовые» слова в языке перевода (скажем, турецкие в болгарском и английском языках), но отсут-

ствуют в других языках (например, в русском и немецком).

3. Переводчик относит к категории реалий обычное слово, зачастую иностранное (варваризм), вошедшее в лексический состав языка оригинала, то есть воспринимает это слово как элемент колорита, что не соответствует действительному положению вещей.

Первые два случая могут служить свидетельством известной географической и этнографической близости, наличия исторических связей, общности направлений в старой или современной литературе и т. д. стран соответствующих языков. Так, например, турецкие реалии бытуют в болгарском языке, главным образом, как отголоски пятивекового турецкого ига и неизбежного этнографического и, в некоторой степени, языкового смешения; восточные реалии в английском языке являются отражением английского колониального владычества, торговых связей и изобилия ориенталистских тем в английской литературе (даже современной). Географическая и этнографическая близость, сосуществование двух национальностей и языков в одном государстве, влияние определенных направлений в литературе и даже отдельных писателей (Н. В. Гоголь) обусловили бытование большого количества украинских реалий в русском языке. Право гражданства таких реалий подтверждается их присутствием в толковых словарях русского языка.

Третий случай может явиться лишь следствием недостаточного знания языка оригинала и описываемого быта или просто неправильного прочтения подлинника.

Посмотрим, как это выглядит на практике.

В свете существующих установок, попытка упорядочения которых была сделана и нами¹, представляют интерес способы передачи реалий на иностранные языки в переводах произведений такого колоритного болгарского писателя, как Йордан Йовков.

Мы взяли для анализа четыре перевода популярного рассказа Йовкова «Шибил»: два перевода — на русский язык (Д. Горбова² и В. Арсеньева³), один — на английский

¹ С. И. Влахов и Сидер Флорин. Непереводимое в переводе. «Мастерство перевода», М., 1969, стр. 438—462.

² Йордан Йовков. Рассказы. Пер. с болгарского, М., ГИХЛ, 1957.

³ Йордан Йовков. Старопланинские легенды. Пер. с болгарского Д. А. Горбова, София, «Няродна Култура», 1958.

(М. Чолаковой и проф. М. Минкова⁴), один — на немецкий язык (Живки Драгневой⁵). Действие рассказа происходит во времена турецкого владычества в Болгарии. Для Йовкова, вопреки традициям болгарской литературы, как справедливо отмечает выдающийся болгарский поэт и переводчик Атанас Далчев, турки, так же как и хайдуты, «сливались ... с прошлым и были носителями очарования старины»⁶. Рисуя своих героев, Йовков уснащает повествование не только болгарскими, но и турецкими реалиями, которые, с точки зрения болгарской литературы, следует считать болгарскими историческими реалиями. Рассматривая их как таковые, мы тем самым подтверждаем необходимость их сохранения при переводе на иностранные языки наравне с исконно болгарскими реалиями.

Мы выбрали из рассказа следующие слова, являющиеся, на наш взгляд, реалиями:

хайдутин	алтъни	дисаги
заптие	рубета	кемер
кърсердар	махмудии	шалвари
гугла	гайтанени (вежди)	сейменин
елече	кехая	ефенди
пафти	цървул	пояс
		чорбаджи

Нижеприведенная таблица показывает, как передали эти реалии переводчики. Под каждой реалией и ее переводом (за исключением абсолютно нейтральных слов, вроде *пряжки*, *shoe* или *Schnallen*) указывается ее значение, если это слово имеется в соответствующих толковых словарях⁷.

Там, где к переводу приложен глоссарий, в скобках приведено и значение, указанное переводчиком.

⁴ Yordan Y o v k o v. The White Swallow. Short Stories. Transl. by M. Cholakova and Prof. M. Mincov. Sofia, Ministry of Information and Arts, 1947.

⁵ Jordan J o w k o w. Ausgewählte Erzählungen. Sofia, Fremdsprachenverlag, 1965.

⁶ Атанас Д а л ч е в. Фрагменти. София, Български писател, 1967, с. 7.

⁷ «Речник на съвременния български книжовен език» (В три тома). София, Българска академия на науките, 1955; «Словарь русского языка» в 4-х т. М., АН СССР, 1957; The Concise Oxford Dictionary of Current English. Fourth Ed., 1956; »Der Sprach-Brockhaus«. Leipzig, Brockhaus, 1940.

<p>Оригинал Йордана Йовкова</p>	<p>Русский перевод Д. Горбова</p>	<p>Русский перевод В. Арсеньева</p>	<p>Английский перевод М. Чолаковой и проф. М. Минкова</p>
<p>хайдутин 1. народен закрилник и борец с оръжие в ръка срещу турските потисници през време на робството; 2. крадец, разбойник</p> <p>заптие турски стражар у нас преди Освобождението</p> <p>кърсердар турски началник на полска или селска полиция</p>	<p>(—) гайдук 1. в 17—18 вв. у южных славян: повстанец-партизан, боровшийся против турецкого владычества; 2. выездной лакей в богатом помещичьем доме (<i>венг.</i>)</p> <p>(—) жандарм особые полицейские войска в буржуазных странах для политической охраны и сыска, для борьбы с революционным движением</p> <p>(—) стражник 1. низший полицейский чин в сельских местностях в дореволюционной России; 2. <i>уст.</i> тот, кто стоит на страже, в охране</p>	<p>(—) хайдук * повстанец-партизан, боровшийся против турецкого владычества; 2. выездной лакей в богатом помещичьем доме (<i>венг.</i>) (* гайдук, разбойник, впоследствии — партизан, повстанец в период турецкого ига)</p> <p>(+) заптий * (* стражник, полицейский)</p> <p>(o) начальник полевой стражи</p>	<p>(—) haidouk Hungarian of an ennobled military class; Polish liveried retainer</p> <p>(+) zaptieh Turkish policeman</p> <p>(+) kurserdar</p>

<p>(арнаутска) гугла 1. островърха качулка за предпазване на главата в лошо време; 2. кожена шапка с косъма навън, рунтав калпак</p> <p>елече къса до кръста върхна дреха, обикновено без ръкави</p> <p>пафти украшена металическа тока, с която се закопчава женски <i>колан</i></p> <p>алтъни златни турски монета, жълтици</p>	<p>(—) арнаутский башлык* башлык: суконный теплый головной убор в виде широкого капюшона с длинными концами (<i>тюрк.</i>) (* арнаутский — албанский)</p> <p>(o) безрукавка кофта или куртка без рукавов</p> <p>(o) пряжки на поясе</p> <p>(—) дукаты старинная серебряная, а затем золотая монета, имевшая хождение в ряде западноевропейских стран (<i>итал.</i>)</p>	<p>(—) арнаутский башлык арнаутский башлык: суконный теплый головной убор в виде широкого капюшона с длинными концами (<i>тюрк.</i>) (* арнаутский — албанский)</p> <p>(o) безрукавка кофта или куртка без рукавов</p> <p>(o) пряжки на поясе</p> <p>(o) червонцы 1. название иностранных золотых монет в допетровской Руси (русская золотая монета = 3 руб.); 2. вообще монета, золото, деньги</p>	<p>(+) hooded Arnaaut cloak</p> <p>(—) waistcoat garment reaching down to waist with front showing when coat is open, sleeveless</p> <p>(—) clasps contrivance of interlocking parts for fastening buckle, brooch</p> <p>(o) goldpieces</p>
--	---	--	---

Немецкий перевод

Живки Драгневой

(—) **Heiducke***

Lakai, Diener in
Tracht.

(*Gegen die Tür-
ken kämpfende
Freischärler)

(—) **Scherge**

Büttel, Hä-
scher, Gerichts-
diener

(—) **Scherge**

(—) **Arnauten-
kaputze**

(o) **Mieder**

den Oberkörper
umschliessender
Teil der Frau-
enkleider (Leib-
chen oder Kor-
sett)

Schnallen

Vorrichtung zum
Schließen, bes.
an Riemen

(o)

Drei Schnüre
großer und
kleiner Gold-
münzen

Оригинал
Йордана Йовкова

рубета
малки жълтици

махмудии
турски жълтици от времето на султан Махмуд II
гайтанени вежди
тънки, източени вежди
(гайтан—плетен шнур ... за украса)

кехая
1. главен овчар; 2. селски глашатай; 3. човек, поставен да надзирава, да заповядва

цървул
През дол бяга, цървул стяга.
вид лека обувка от къс кожа, която се привързва с прекарана по края на кожата каишка

дисаги
две скачени в горния си край торби за път, които се носят предметни през рамо или седло

кемер
дълга кожена кесия за пари, която се опасва около кръста

шалвари
широки и дълги дънесте горни гащи

сейменин
турски военен полицай ефенди

пояс
дълъг и тесен плат, специално тъкан за опасване **около** кръста

чорбаджи
1. *зват.* от чорбаджия;
2. в турско време почетено, учтиво обращение на турчин към българин

Русский перевод Д. Гэрбова	Русский перевод В. Арсеньева	Английский перевод М. Чолаковой и проф. М. Минкова	Немецкий перевод Живки Драгневой
<p>—) } —) } нить мелких и ту- рецких дукатов</p> <p>}) тонкие, как шнур, брови</p> <p>+) кехая * (* сельский пристав)</p> <p>—) лапоть (врагом бежал, лапоть потерял. ;рестьянская обувь, ко- торую плетут из лы- ка, бересты или ве- ревок</p>	<p>(—) рупии серебряная монета в Индии и Пакистане (—) дукаты</p> <p>(o) тонкие брови</p> <p>(+) кехая * (* крупный ското- вод; старший ча- бан)</p> <p>В балке хоронится, от людей сторо- нится.</p>	<p>(+) rubes</p> <p>(+) mahmudis</p> <p>(—) black arches of her eyebrows</p> <p>(+) kehaya</p> <p>(o) shoe Runs through the valley, ties up his shoe.</p>	<p>(o) } (o) }</p> <p>(—) fein ge- schwungenen Brauen</p> <p>(o) Schulze Gemeindevor- steher</p> <p>(o) Bundschuh Durch das Tal flieht's, den Bundschuh schnürt's. alter Bauern- shuh</p>

(+) переметные сумки	(+) переметные сумы	(—) bags ■	(+) Quersäcke Doppelsack zum Überhängen
переметный —такой, который носится переки- нутым через что-либо, по обе стороны че- го-либо; переметные сумки			
(—) карманы пояса	(—) кошель <i>уст.</i> то же, что кошелек	(—) belt	(+) Geldkatze um den Leib ge- schnallter leder- ner Geldbeutel
(+) шаровары длинные широкие штаны, с лоток	(+) шаровары собранные у шико- лоток	(+) wide Turk- ish trousers	(o) Pluderhose weite Kniehose
(—) жандарм см. выше	(—) заптий см. выше	(o) guard of kur- serdar	(—) Schergen
(+) эфенди	(+) эфенди * (* господин)	(+) effendi Turkish title of respect	(+) Effendi
(—) пояс то, чем < подпоясывают одежду по талии (ре- мень, шнур, кушак и т. п.)	(o) кушак пояс (обычно из ши- рокого куска тка- ни или связанный из шнура)	(—) cummerbund waist sash (<i>Anglo- ind.</i> kamar- band)	(+) Leibgurt
(+) чорбаджи * ("сельский богач)	(+) чорбаджи * (* богач, кулак)	(+) chorbadjj	(o) -

В чем же заключаются достоинства и недостатки данных переводов с точки зрения рассматриваемой нами проблемы?

К сожалению все четыре переводчика прочли рассказ неправильно и восприняли слово *хайдутин* как историческую реалию, то есть в его значении «народный защитник, борец против турецких угнетателей во времена рабства». А ведь Шибил не болгарин, а цыган; он со своей шайкой грабит монастыри и церкви, снимает кольца с пальцев живых и мертвых; для него и женщины — «на худой конец добыча». Болгарские хайдуты таким разбоем не занимались. О том же, что он цыган, подсказывает и следующий диалог в начале рассказа.

— Слушай, — продолжала Рада, — смотри — женись, чтобы было кому тебя обшивать; чтобы не ходил таким оборванным, как...

— Как кто?

— Как цыган!

Шибил слегка нахмурился... (курсив мой. — С.Ф.)

Йовков употребил слово *хайдутин* явно в его общем, вульгарном значении «разбойник», а переводчики наделили Шибилу ореолом народного героя, чем сместили весь план рассказа.

Зантие не однозначно с *жандармом* (как перевел Д. Горбов), что видно из словарных значений этих реалий (см. таблицу). Немецкое *Scherge* Драгневой слишком общее и бесцветное слово даже в своем нейтральном значении, тем более что переводчица этим же словом переводит еще две реалии: *кърсердар* и *сейменин*.

Кърсердар ни в коем случае не *стражник*, как у Д. Горбова (в русском толковом словаре есть *сердар*: 1. титул главы племени, влиятельного сановника в Индии и Афганистане; 2. титул главнокомандующего в ряде стран Ближнего и Среднего Востока). В. Арсеньев точно передает значение этой реалии (*начальник полевой стражи*), а Драгнева снова прибегает к слову *Scherge*, что в данном случае уже совсем неправильно.

Арнаутска гугла. Здесь было легко ошибиться, что и произошло в обоих русских и немецком переводах. *Башлык* — реалия, ни в коем случае не сходная с *гуглой* ни в одном из ее значений. В тексте сказано: «*наметнати* с черни арнаутски гугли», а глагол *намятом*, как указано

в болгарском толковом словаре, значит: «мятам дреха, шал и под на гръб», то есть «накинуть или набросить на плечи». Действительно, *арнаутска гугла* и есть «накидка с капюшоном». Из этого следует, что правилен только английский перевод — *hooded Arnaout cloak*.

Елече (уменьш. от *елек*). В русских переводах это слово переведено как *безрукавка*, а в немецком — *Mieder*. Эти переводы имеют общий характер, они нейтральны, но правильны. Английское же *waistcoat* не столь точный эквивалент, тем более что в английских толковых словарях указывается, что этот вид одежды носят под пиджаком или курткой, а болгарский *елек*, в особенности женский, — верхняя одежда.

Слово *пафти* в русских переводах передано описательно, но верно — *пряжки на поясе*; английское же *clasps* может быть пряжкой не только на поясе, а может быть и брошкой; немецкое *Schnallen* тоже обозначает какую угодно пряжку.

Алтъни, рубета, махмудии Горбов перевел как *дукаты*, а затем, еще неудачнее — *турецкие дукаты*, хотя они не имеют ничего общего с турецкими золотыми монетами, кроме слова *турецкие* (ведь так можно сказать и *турецкие лудоры!*?); в переводе Арсеньева *червонцы* — удачное обобщение, но *рупии* (вероятно, только по созвучию с *рубле*) и опять-таки *дукаты* портят хорошее начало. Английский перевод удачен; в немецком же все, хотя и правильно, но абсолютно бесцветно: *Goldmünze* могут с тем же успехом быть и древнеегипетскими.

Интересно сочетание *гайтанени вежди*: здесь реалия *гайтан* является характерной частью традиционного поэтического образа, сравнения. Тут частичного успеха достиг только Горбов, сохранив сравнение как *шнур*. Если бы он вспомнил тот же образ, столь распространенный в украинском фольклоре, — «Очі чорні як терночок, брівки рівні як шнурочок...», он, вероятно, написал бы не *тонкие*, а *ровные*, как *шнур*. Менее выразительный перевод этой реалии получился у Арсеньева. Английский и немецкий переводы поэтичны, но в них исчезли реалия как таковая и традиционный болгарский образ. Между тем, *гайтан* (типично болгарский шнур) постоянно фигурировал не только в болгарской поэзии, но и был предметом экспортной торговли Болгарии того времени.

Кехая только Драгневой переведено на немецкий язык нейтральным *Schulze*, а Арсеньев не дает в глоссарии к

своему переводу главного в данном случае значения «сельский голова».

Слово *цървул* встречается в рассказе в предложении, трудно поддающемся переводу, с точки зрения сохранения национального своеобразия: «През дол бяга, цървул стяга» — это часть гадания девушек о суженом, и речь здесь идет о разбойнике; *цървул* здесь случайный атрибут, не имеющий отношения к ремеслу разбойника, но все же существенный в силу своей фольклорной традиционности. Задача переводчика здесь, пожалуй, гораздо труднее, чем в случае *гайтанени вежди*. Арсеньев вообще не упомянул об обуви, однако постарался с помощью рифмы придать этой фразе форму поговорки. Горбов не только рифмует, но и сохраняет указание на обувь, правда, превращая болгарский *цървул* (из свиной или телячьей кожи) в русский *лапоть* (из лыка, бересты или веревок). Английский перевод лишен даже и облика фольклорного речения; в немецком есть рифма, но введен нейтральный и тоже неподходящий *Bundschuh*, представляющий из себя ничем не похожий на *цървул* высокий закрытый ботинок.

Слово *дисаги* в обоих русских переводах передано правильно, хоть и несколько нейтрально, как *переметные сумки (сумы)*. Немецкий перевод также правилен — *Quersäcke*. Английский перевод неудачен — *bags*, то есть просто мешки или сумки, при наличии близкого понятия *saddle-bags*.

Кемер (пояс-кошелек) передан правильно только немецким *Geldkatze*. *Кошель* у Арсеньева и *belt* в английском переводе дают каждый только одну характеристику турецкого *кемера*, а *карманы пояса* у Горбова говорят о незнании переводчиком этой реалии.

Шалвари передано в русских переводах той же реалией *шаровары*; в английском переводе использовано описательное *wide Turkish trousers*, а в немецком дано близкое, но не идентичное *Pluderhose*.

Сейменин. Горбов дает уже использованное им для передачи реалии *зантие* неподходящее слово *жандарм*; Арсеньев неправильно отождествляет *сейменин* с *зантие*; в английском переводе дано нечто среднее между значениями этих трех слов — неопределенное *guard of kurserdar*; немецкая переводчица настаивает на своем всеобъемлющем *Scherge*.

Ефенди сохранено в том же виде всеми переводчиками.

Пояс — пример несовпадающих понятий: для русского

это может быть и *ремень*, и *шнур*, и *кушак*; для болгарина это ближе всего к русскому *кушаку*. Поэтому вариант Горбова — *пояс* неправилен, а вариант Арсеньева — *кушак*, хотя и неточен, близок по значению к болгарской реалии. В английском переводе *summerbund* правильно по существу, но неверно с точки зрения этнографии, так как это предмет индийского быта (по-видимому, происходит от общего с нашим *кемером* индо-иранского корня *kaṃar-*); немецкое же *Leibgurt* правильно, но нейтрально.

Чорбаджи транслитерировано в английском и русских переводах; в немецком же оно попросту опущено, несмотря на то, что это одна из самых характерных для нашего рассказа реалий-обращений (только по отношению к болгарам).

Данные таблиц и проведенный анализ четырех переводов рассказа Йовкова приводят нас к заключению, что переводчики в основном использовали три способа передачи реалий на иностранный язык:

1. Переводчик сохраняет (транслитерирует) реалии.

2. Переводчик передает реалии описательно или нейтральным словом или оборотом, который, пусть отдаленно, но передает национальный колорит.

3. Переводчик ошибочно передает болгарскую реалию реалией другого народа или другой эпохи; или принимает за реалию обыкновенное слово; или вовсе уничтожает реалию, передав ее совершенно нейтральным словом.

Обозначив первый случай плюсом (+), второй—нулем (0), а третий — минусом (—), составим следующую, так сказать, статистическую табличку (имея, конечно, ввиду, что оценки здесь субъективны):

Перевод	+	0	-
Русский (Горбова)	6	2	11
Русский (Арсеньева)	6	7	6
Английский	9	3	7
Немецкий	4	8	7

Из этой таблички можно заключить, что национальное своеобразие (выражающееся в данном случае в реалиях) сохранено лучше всего в переводе на английский; затем сле-

дует русский перевод Арсеньева; самый нейтральный, уничтожающий реалии — перевод на немецкий язык; самым слабым, с точки зрения передачи реалий, является русский перевод Д. Горбова.

Однако при таком сопоставлении и попытке оценить результаты следует иметь в виду и то, что разные языки относятся по-разному к иностранным словам (а реалии в чистом виде в большинстве случаев являются именно варваризмами). Так, из рассматриваемых трех языков английский легче всех присваивает себе, мы бы сказали, впитывает в себя, иностранные слова. Русский язык несколько более критичен в этом отношении. Немецкий же язык вовсе не гостеприимен в отношении к иностранным словам и более склонен к кальке, а также к приблизительной или описательной передаче реалий.

Переводчики на английский язык вообще, не только в нашем случае, не раздумывая, вводят в свой перевод реалии самым непосредственным путем — транслитерируя их, и гораздо реже прибегают к другим способам передачи реалий — кальке, неологизмам, освоению иноязычного слова, приблизительному или описательному переводу⁸, так же как и к нейтральному переводу. Оставленные без пояснений турецкие (болгарские исторические) реалии в английском тексте «Шибил» воспринимаются вполне естественно и легко, выполняя свою основную функцию передачи национального своеобразия.

Критичность русского языка по отношению к реалиям подтверждается тем, с какой осторожностью переводчики вводят их в свои тексты, зачастую считая необходимым пояснять их либо в примечаниях, либо в приложенных к переводу глоссариях, а также и известным предпочтением, оказываемым ими описательному или даже приблизительному переводу этой категории слов. Успех В. Арсеньева можно объяснить его знанием болгарского быта и истории. Этого-то понимания сущности данных реалий в географическом, этнографическом и историческом планах недостает, в известной степени, другому русскому переводчику — Д. Горбову. Пытаясь сохранить реалии, он их уничтожает (например, *зиптие* — *жандарм*, *кърсердар* — *стражник*, *арнаутский башлык*, *алтъни* — *дукаты*, *турецкие дукаты*, *цървул* — *лапоть*, *кемер* — *карманы пояса*, *сеймени* — *жандармы*). Некоторые из его ошибок мож-

⁸ См. указанную выше статью «Непереводимое в переводе».

но объяснить неполнотой или неточностью объяснений двуязычных словарей⁹.

Немецкий перевод рассказа отличается очень ограниченной передачей национального своеобразия через реалии, вполне в духе старой немецкой переводческой школы. Даже из четырех оставшихся в нем реалий три сохранились случайно, в связи с тем, что в немецком языке существуют точные эквиваленты: *дусаги* — *Quersäcke*, *кемер* — *Geldkatze* и *пояс* — *Leibgurt*. Именно поэтому рассказ еще более теряет свою красочность. Вообще, если бы не употребленные (кстати неправильно) *Heiducke*, *Arnautenkaputze* и *Effendi*, события, описываемые в рассказе, можно было бы связать с любой страной Востока, поскольку место действия определяется в нем только двумя описательными географическими названиями — Синие Скалы и Чертова Щель, а собственные имена вряд ли могут подсказать что-нибудь рядовому читателю.